

³ Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы. 1906–1916 гг. / Сост. Н.Б. Хайлова. М., 2002.

⁴ *Ruckman J.A.* The Moscow business elite: A social and cultural portrait of two generations, 1840–1905. Chicago, 1984; *Thurston R.W.* Liberal city, conservative state: Moscow and Russia's urban crisis, 1906–1914. N.Y.; Oxford, 1987; *Owen Th.C.* Capitalism and politics in Russia: A social history of the Moscow merchants, 1855–1905. Cambridge (Mass.), 2008; *Rieber A.J.* Merchants and entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill, 1982; *Вест Дж.Л.* Буржуазия и общественность в предреволюционной России // История СССР. 1992. № 1. С.

192–201; *Уэст Дж.Л.* Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии (1909–1914) // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 299–329; *West J.L.* Old Believers and new entrepreneurs: Old Belief and entrepreneurial culture in Imperial Russia // *Brumfield W.C.*, ed. Commerce in Russian urban culture, 1861–1914. Washington; L., 2001. P. 79–89; *Уэст Дж.* Видение предпринимательского будущего России: утопический капитализм Павла Рябушинского // Купеческая Москва. Образы ушедшей российской буржуазии / Отв. ред. Дж. Уэст, Ю.А. Петров. М., 2007. С. 224–237.

Церковный голос России*

Вопрос о том, кто, каким образом и с какими намерениями передавал в 1920–1930-е гг. за рубеж сведения о положении Православной Церкви в России, до сих пор остаётся слабо освещённым в историографии. Как справедливо указывает в своей книге известная исследовательница церковной истории О.В. Косик, для ведения и благополучия такой деятельности существовали, по крайней мере, две главные причины. Информирование зарубежья (и в первую очередь эмигрантов) должно было вызвать выступления духовных лиц, религиозных, политических и общественных организаций, и даже правительств других стран в защиту Русской Церкви, а также способствовать оказанию материальной помощи ссыльным и заключённым. Не менее важной для православных, остававшихся в СССР, была и моральная поддержка со стороны эмигрировавших церковных деятелей, особенно при выборе тактики действий в сложных и конфликтных ситуациях, нередко спровоцированных властями, как, например, обновленческий раскол или отход части духовенства и мирян от митрополита Сергия (Страгородского) в связи с его Декларацией 1927 г.

Для ознакомления эмиграции с реальным положением Церкви в оставленной стране составлялись сводки, исторические обзоры, очерки. Так было положено на-

чало первым трудам по истории Церкви в эпоху гонений. Полагая, что «деятельность М.Е. Губонина, А.П. Вельмина, Г.А. Косткевича, М.А. Новосёлова и других, до сих пор неизвестных собирателей церковных материалов, не может быть оставлена без внимания и должной оценки серьёзных церковных историков», Косик стремится «восполнить пробел, чтобы по достоинству оценить труды тех, кто в первые десятилетия советской власти собирал свидетельства о церковной жизни, проникал в суть разворачивающихся событий, сохранял и передавал за границу эти материалы». При этом она внимательно относится к выявленным документам, учитывает напряжённую информационную борьбу СССР и недружественных ему государств, а также работу в этой сфере органов госбезопасности. В 1920–1930-е гг. действительно широко использовались фальсификации, подделки, которые были созданы для борьбы с Церковью, инакомыслящими и организациями, существовавшими вне официальных структур. Посему историку зачастую приходится сталкиваться не только с информацией о Церкви, но и с профессиональной дезинформацией.

Власти в России, строившие новое общество, чувствительно относились к утечке церковной информации за границу. Вмешательство Европы во внутреннюю политику большевиков, пусть даже на уровне пуб-

* *Косик О.В.* Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х годов). М.: ПСТГУ, 2011. 280 с.

личных заявлений и газетных требований, было крайне нежелательным, мешало осуществлению задуманных проектов, создавало советскому правительству ненужные барьеры в дипломатических и экономических контактах с другими странами. Поэтому любая связь с иностранными государствами расценивалась советской властью как тяжёлое преступление. Тем не менее при чтении книги возникает ощущение, что в СССР существовал ряд (альтернативных и независимых?) центров сбора и передачи за рубеж сведений о жизни Церкви.

Церковь и её правящие учреждения (Синод, епархиальные власти, Священный собор) в первые годы советской власти были почти лишены возможности сноситься между собой и с паствой: наставлять, осведомлять и поучать её. После захвата синодальных, лаврских и монастырских типографий и закрытия периодических церковных изданий, утверждает О.В. Косик, единственным средством оповещения верующих о событиях в Церкви и, в частности, о посланиях патриарха, стали листовки и небольшие брошюры, которые удавалось напечатать при помощи небольших полиграфических средств, уцелевших после реквизиции. К середине 1920-х гг. Церковь почти полностью лишилась возможности издавать свою продукцию. Тем важнее стал поиск надёжных каналов передачи за границу сведений о Церкви в России. Благодаря мужественным действиям лиц, близких к патриарху, наиболее важные его послания увидели свет на страницах зарубежных изданий. Одним из его смелых сподвижников был Н.В. Нумеров, с 1921 г. работавший делопроизводителем Священного Синода и Высшего церковного совета при патриархе Тихоне. Именно Нумеров составил список архиереев, содержавший их полные титулы и сведения о хиротониях, вывезенный неким Г. Вальтером из России в Берлин и переданный управляющему западноевропейскими русскими приходами архиепископу Евлогию (Георгиевскому). В свою очередь, владыка Евлогий направил копию списка в канцелярию Высшего церковного управления за границей в Сремских Карловцах (Королевство СХС), где с тревогой и болью следили за событиями в Русской Церкви. Нумеров также дал подробную справку о состоянии каждой епархии. Это первый дошед-

ший до современных историков документ, в котором указаны действующие кафедры и отражены перемещения архиереев.

Корреспонденция из России широко использовалась в издававшейся в Сремских Карловцах газете «Церковные ведомости» – печатном органе Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей. Её редактором был секретарь Архиерейского Синода Е. Махароблидзе, обычно писавший редакционные вступления к материалам о церковной жизни в советской России.

О.В. Косик пришла к выводу, что, по крайней мере, до осени 1925 г. Архиерейский Синод в Сремских Карловцах прямо или опосредованно получал информацию, исходившую из круга деятелей, близких к Даниловскому монастырю и его настоятелю архиепископу Феодору (Поздеевскому). Представители «Даниловского синода» занимали в церковной политике правую позицию (с. 45). К их числу принадлежал и бывший обер-прокурор Святейшего Синода и активный участник Поместного собора 1917–1918 гг. А.Д. Самарин. В архиве Джорданвилльской Свято-Троицкой духовной семинарии (Русская Православная Церковь за границей) хранится его письмо, в котором говорится о влиянии ОГПУ на деятельность патриаршего управления: «Всякий, пошедший на малейшее соглашение с ГПУ, становится через несколько времени его полным рабом». По мнению Самарина, эта участь постигла и окружение патриарха Тихона. «Вся Москва убеждена, – писал он про архиепископа Тверского Серафима (Александрова) и профессора Московской духовной академии протоиерея В.П. Виноградова, – что эти два лица являются тайными агентами ГПУ и проводниками всех его замыслов в патриаршем управлении. Их близость с Тучковым, главным следователем по церковным делам в ГПУ, их постоянные визиты к Тучкову и таинственные совещания с ним, их поведение в патриаршем управлении подтверждают это». К сожалению, в книге не уточняется, соглашается ли её автор с данной оценкой.

Каковы были каналы передачи важнейшей церковной информации от патриарха Тихона за границу и обратно? Патриарх получал письма через иностранные посольства и миссии Латвии, Эстонии, Финляндии,

Польши, иногда Чехословакии. Обычно их приносили чиновники или курьеры. В пересылке корреспонденции активное участие принимали архиепископ Финляндский Серафим (Лукьянов) и епископ Рижский Иоанн (Поммер), проживавшие и служившие за пределами Советского Союза. Использовались также семейные и дружеские контакты и даже контрабанда.

Большую роль в передаче документов патриарху Тихону и от него сыграл архимандрит Жировицкого монастыря Тихон (Шарапов), впоследствии епископ. В 1922 г. он подробно описал в своих записках посещение патриарха и передачу ему портфеля с церковными документами прямо в алтаре храма во время богослужения (эти записки воспроизвёл под заголовком «Дипкурьер» М.Е. Губонин, познакомившийся с епископом в среднеазиатской ссылке). С огромными трудностями проникнув в алтарь, иеромонах, воспользовавшись замешательством, подошёл к патриарху: «При моём быстром приближении он обернулся, взглянул как-то мельком на меня и, отвернувшись опять к престолу, произнёс, “ничтоже сумняся”, как будто мы с ним вчера только виделись: “А!.. Приехал?.. Когда же ко мне-то?” Я скороговоркой сказал, что через несколько дней. Он кивнул слегка головой. “У меня, Ваше святейшество, – проговорил я, – портфель тут с собою для Вас. Как мне передать его Вам?.. Где?” Он мотнул головой в сторону и пробурчал лаконично: “Отдай вон – Крониду!” Я немедленно передал портфель последнему наместнику Свято-Троице-Сергиевой лавры маститому старцу, архимандриту Крониду, стоявшему не вдалеке и спокойно наблюдавшему всю эту сцену. Я его как-то не заметил раньше. Он с виртуозной ловкостью сунул портфель за пазуху, делая вид, что внимательно застёгивает свою рясу». Тут же на о. Тихона «налетели» иподиаконы со словами: «Гражданин, что Вам здесь нужно?». Но о. Тихон, извиняясь, был внутренне рад, что ему удалось передать ценные документы (с. 54–55). И всё же, несмотря на жертвенность мирян и духовенства, контакты патриарха Тихона с другими государствами были ограниченными, и Косик справедливо называет их «тонкой связующей нитью».

Одним из курьеров, передававших за границу информацию о положении Церк-

ви в СССР, являлся духовный сын киевского священника Анатолия Жураковского Г.А. Косткевич. Рискуя жизнью и свободой, 30 апреля 1927 г. он передал ряд документов польскому консулу Бабинскому, который направил их затем проживавшему в Польше А.П. Вельмину. Благодаря усилиям Косткевича, 29 июля 1927 г. А.В. Карташёв, В.Л. Бурцев, Г.П. Федотов, П.Е. Ковалевский и П.Б. Струве опубликовали от имени Русского национального комитета в Париже список 117 репрессивных епископов. Впоследствии он перепечатывался различными эмигрантскими газетами.

Большое значение для освещения положения Церкви в СССР имела деятельность профессионального журналиста А.А. Ланге, писавшего под псевдонимом Валентинов. На основании поступающих из России сведений он составил «Чёрную книгу (Штурм небес): Сборник документальных данных, характеризующих борьбу советской коммунистической власти против всякой религии, против всех исповеданий и церквей». В ней говорилось об арестах и ссылках епископов, священников, монашествующих и мирян, о закрытых храмах и монастырях.

Активную работу по сбору, перепечатке и распространению документов вёл М.А. Новосёлов, прославленный Архиерейским собором Русской Православной Церкви 2000 г. в числе новомучеников и исповедников Российских. Стремясь объединить принципиальных противников Декларации митрополита Сергия (Страгородского) 1927 г., он составил для эмигрантов и создания общественного мнения в Европе сборник «Дело митрополита Сергия». В книге О.В. Косик также рассматривается деятельность о. Михаила Польского, М.М. Брендстеда, М.Е. Губонина. Автор передаёт напряжённую атмосферу духовной жизни в СССР, где от молитвы в храме до тюремного заключения и мученической кончины был всего один шаг.

В приложениях к книге приводятся документы и фотографии. Кроме того, в неё включены краткие биографические справки о некоторых лицах, именной указатель и список сокращений.